

¹² Отчеты о бывших летом 1909 г. курсах для учителей начальных училищ Кавказского учебного округа. – Тифлис, 1910. – С. 2-3.

¹³ Рудольф, Н. Ф. Первая сводная выставка ученических изделий промышленных училищ округа и съезд начальников этих учебных заведений в Пятигорске (июнь – август, 1910 г.) / Н. Ф. Рудольф. – Тифлис, 1911. – С. 5-6.

Надійшла до редколегії 27.12.2007 р.

И. В. Черказьянова

НЕМЦЫ – РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ЭПИЗОДЫ ИЗ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК

Розглядається доля трьох російських учених німецького походження, пов'язаних з Академією наук, які зазнали репресій у роки Першої світової війни. Показана негативна позиція Академії наук з питання про переслідування вчених за національною ознакою.

Первая мировая война, во многом предопределившая ход развития истории XX в., развития мировой науки, остается в центре интересов научного сообщества. Историография проблемы огромна. Если вопрос о положении немецких ученых – иностранных подданных в годы войны нашел отражение в историографии¹, то вопрос о судьбе российских немцев – ученых, преподавателей, организаторов образования, оказавшихся заложниками большой политики, еще требует внимательного изучения².

Война с Германией началась во время летних каникул, поэтому учебное ведомство страны в большей степени, чем все остальные министерства, было застигнуто врасплох сообщением об объявлении войны. Многие российские профессора и преподаватели были в заграничных отпусках и не смогли вовремя вернуться к занятиям. Некоторые из них остались в нейтральных странах, либо в Англии или Франции до конца учебного года. Только в Париже оказалось более 70 учителей со всей страны, отправившихся на экскурсию в Европу³. Часть преподавателей, отдохавших в Германии и Австро-Венгрии, была интернирована на некоторое время. Так, среди «военноплен-

ных» оказались представители Новороссийского университета: профессора В. Н. Ранненкамф, А. Ф. Маньковский, приват-доцент барон фон Тизенгаузен, несколько студентов.хлопотать о возвращении коллег было поручено профессору К. М. Смирнову, для этого он был командирован в Петроград⁴. Группа русских студентов, обучавшихся в Льеже и Генте, выехала из Бельгии, но застряла в Роттердаме без всяких средств, и телеграммой от 15 августа 1914 г. они просили родственников выслать денег через миссию в Гааге⁵. Управляющий архивом Министерства юстиции Д. В. Цветаев обращался в МНП за помощью в розысках двух своих дочерей и зятя Г. М. Коложникова, профессора Томского университета, оказавшихся в Германии и Франции⁶. В число арестованных попал и министр просвещения Л. С. Кассо⁷, и сам президент императорской Академии наук великий князь Константин Константинович с супругой⁸, и шахматист А. А. Алехин, и многие сотни россиян. Испытав унижения со стороны германских властей, они с трудом вернулись в Россию.

С осени 1914 г. в стране стали нарастать антинемецкие настроения. Немецкий язык был запрещен для употребления в общественных местах, в рекламе, в делопроизводстве, даже проповеди в лютеранских церквях, которые произносились исключительно на немецком языке в соответствии с Уставом евангелическо-лютеранской церкви России 1832 года, были запрещены. Законом от 24 декабря 1914 г. запрещался немецкий язык как язык преподавания в начальных школах немцев-колонистов. Подданные Германии, Австро-Венгрии и Турции исключались из государственных учреждений.

Германофобия коснулась всех сторон жизни учебных заведений: и состава учащихся, и содержания учебных программ, и языка преподавания. Распоряжением МНП от 3 сентября 1914 г. отстранялись от занятий студенты высших учебных заведений – германские и австрийские подданные, до перехода их в русское подданство⁹. 5 ноября 1914 г. министр просвещения запретил в университетах выполнение дипломных проектов на иностранных языках, работы, составленные не на русском языке, возвращались без рассмотрения. Исключение на тот период было сделано для юридического факультета Киевского университета, где к тому времени уже были приняты два таких сочинения. Этим соискателям была дана отсрочка на полгода для перевода работ на русский язык¹⁰.

Особенно остро встал вопрос о дальнейшей судьбе Юрьевского (Дерптского) университета и его богословского факультета, на котором преподавание велось на немецком языке. Одним из экспертов по

вопросу факультета был филолог-славист академик А. И. Соболевский. На основании его доклада в Главном совете общества «За Россию» совет в 1915 г. выступил с требованием о введении на факультете преподавания «на понятном для всех русском языке», о перенесении факультета в центр России, например, в Сергиев Посад¹¹.

«Война манифестов» – коллективных меморандумов ученых различных стран в защиту своих правительств, разразившаяся осенью 1914 г., была начата англичанами и подхвачена остальными корпорациями ученых¹². Свою позицию в отношении войны поспешили высказать и преподаватели российских вузов. В адресе на имя Николая II от 29 июля 1914 г. Совет профессоров Петроградского университета заверил, что он вместе с царем горит стремлением служить «оружию, поднятому в защиту Святой Руси и всего славянства»¹³. Выступая на заседании Совета 1 сентября 1914 г., профессор А.С.Догель¹⁴, в ответ на варварство германцев (бомбардировка Лувенского университета в Бельгии), призвал своих коллег не печатать научных трудов на немецком языке и в немецких изданиях, а также отказаться «от поддержки германской промышленности» и прекратить закупки в Германии научных приборов и реактивов. Догель поставил вопрос и об исключении из состава почетных членов тех немецких ученых, которые «позорят и унижают науку»¹⁵. На том заседании инициатива профессора не была поддержана, но уже 24 ноября 1914 г. профессорская коллегия Петербургского университета исключила из числа своих почетных членов профессора Берлинского университета Франца фон Листа.

Действия столичной профессуры вызвали цепную реакцию: из вузов началось изгнание представителей германской науки. Только из состава почетных членов Московского университета и его научных обществ были исключены около 70 подданных Германии¹⁶. В числе первых 5 декабря 1914 г. был исключен профессор философии из Лейпцига Вильгельм Вунд, подписавший известное воззвание немецких ученых «К культурному миру», опубликованное 4 октября 1914 г.¹⁷ Решение Совета опиралось на законодательное постановление Совета министров от 31 октября 1914 г., в дополнение к которому был издан секретный циркуляр МНП от 26 ноября № 176, об исключении из состава научных учреждений и высших учебных заведений и из числа их почетных членов всех неприятельских подданных. 8 декабря 1914 г. из почетных членов Рижского политехнического института был исключен профессор Лейпцигского университета Вильгельм Оствальд. Институт предпринял меры, чтобы выданный ему диплом о звании по-

четного члена был им возвращен¹⁸. 19 декабря Юрьевский университет исключил всех почетных членов из числа германских и австрийских подданных¹⁹. Казанский университет вынужден был исключить 8 почетных членов, семь из которых были утверждены лишь 27 июня 1914 г. Среди исключенных были университетские профессора: Феликс Клейн (Гёттинген), Вильгельм Вундт, Адольф Вах и В. Пфедфер (все из Лейпцига), Франц фон Лист (Берлин), Эмиль Крепелин (Мюнхен), а также члены Королевской Прусской академии наук, профессора Эдуард Мейер и Макс Планк²⁰. В Новороссийском и Саратовском университетах не было немцев в числе почетных членов, поэтому советы этих университетов избежали унижительной процедуры изгнания неудобных из своих рядов. Последним среди университетов акцию исключения провел Киевский университет Св. Владимира. На собрании 17 апреля 1915 г. Совет университета исключил 8 почетных членов, профессоров: М. Бенедикта (Вена), Б. Дельбрюка (Йена), К. Бургмана (Лейпциг), К. Флюгге (Бреслау), Г. Шмоллера (Берлин), К. Гебеля (Мюнхен), О. Шмидеберга (Страсбург), а также члена Королевской Прусской академии наук, профессора Берлинского университета С. Швенденера²¹.

Процедура исключения из своих рядов подданных воюющих с Россией стран касалась и Академии наук. Академия, верная традиции интернационализма в науке, не спешила принять решение об исключении своих почетных членов и членов-корреспондентов, хотя уже в начале 1915 г. все вузы закончили процедуру, поименно исключив их. Но точка зрения Академии наук была иной, она не собиралась проявлять собственный патриотизм тем же способом. 17 июля 1915 г. газета «Утро России» сообщала: «Академия наук ответила, что она затрудняется указать, кто из членов академии подлежит исключению. Ввиду вторичного распоряжения Министерства народного просвещения выяснить подданство членов академии, на днях будет созвано общее собрание, на котором и будет пересмотрен вопрос об исключении из Академии наук некоторых членов»²². Лишь под давлением властей Академия наук вынуждена была в 1916 г. пойти на этот шаг и исключить иностранных членов из состава АН. Но решение было принято, в отличие от университетов, без указания конкретных имен исключаемых. При этом была принята оговорка о том, что Академия наук предоставляет себе возможность по окончании войны «иметь суждение» о возможности восстановления исключаемых в их почетных академических званиях. Именно особенности обстоятельств исключения вызывают до сих пор в научных кругах дебаты

вокруг вопроса об исключении иностранных членов из состава Академии. Одни считают, что исключение было формальным шагом (Е. Ю. Басаргина²³), другие тщательно подсчитывают количество «жертв» (Ю. А. Виноградов)²⁴.

Все ранее сказанное относится к подданным воюющих с Россией стран и может быть хоть как-то объясняться с позиции формальной логики. Но недоверие и репрессивные меры следовали и в отношении немцев, подданных России. А здесь уже и логика не помогает.

Одним из пострадавших был Кнауэр Федор (Фридрих) Иванович (1849–1917, по другим данным – 1918), доктор сравнительного языкознания, ординарный профессор университета Св. Владимира в Киеве по кафедре сравнительного языкознания и санскрита. О его происхождении пока нет сведений. В документах есть упоминание о том, что он родом из Херсонской губернии, из семьи «собственника-земледельца», известно также, что он был лютеранского исповедания. Возможно, что его отцом был колонист Готтлиб Иоганнес Кнауэр, переселившийся в 1822 г. из Бройнингсвайлера (Bräuningsweiler) в Сарату (Бессарабия)²⁵. Известно, что в середине XIX в. обершувальцем Сараты был некто Готтлиб Кнауэр. Вполне возможно, что речь идет об одном человеке, который мог быть отцом нашего героя. Сопоставляя разрозненные факты, мы пришли к заключению, что Фридрих Кнауэр был выпускником Сарато-Вернеровского центрального училища.

В Сарато-Вернеровском училище²⁶ за 50 лет (с 1844 по 1894 г.) обучалось 396, а окончило 223 человека. Это были жители Сараты (98), бессарабских колоний (224), Херсонской (53) и Таврической (12) губерний. 9 человек прибыли из различных мест²⁷. Из числа выпускников восемь окончили университетский курс. Один получил ученую степень доктора философии и работал учителем гимназии за рубежом, четверо имели духовное звание, один работал учителем гимназии, другой – городским судьей. Гордостью училища был выпускник Кнауэр. Он стал крупным знатоком санскрита, приобрел высокий научный авторитет.

Кнауэр окончил Дерптский университет и там же в 1884 г. защитил докторскую диссертацию («Das Gobhilagrhyasutra». Дерпт, 1884). Служебная карьера начинается вскоре после защиты, с 7 июня 1884 г. он служит по ведомству Министерства просвещения. 1 января 1886 г. занял место экстраординарного, а 1 января 1890 г. – ординарного профессора по кафедре сравнительного языкознания и санскрита в университете Св. Владимира²⁸. До прихода Кнауэра кафедра дли-

тельное время оставалась вакантной, а затем работала под руководством профессора до 1912 г. По истечении 25 лет службы, с 19 февраля 1907 г. он был оставлен в университете еще на пять лет²⁹, в 1909 г. удостоен звания заслуженного профессора. После 30 лет работы в университете Кнауэр был выведен из штата, но работать продолжал, получая 1200 рублей годового жалования и 3000 рублей пенсии³⁰. Из известных работ ему принадлежит «Руководство к изучению санскрита. Грамматика, тексты и словарь» (СПб., 1891), подготовленное в соавторстве с московским профессором В. Ф. Миллером. В 1905 г. Кнауэр, один из немногих киевских профессоров, подписал «записку 342-х ученых» (ее подписали 16 академиков, 125 профессоров и 201 доцент) и вступил в Академический союз. (Союз был организацией левой и либеральной профессуры, созданный весной 1905 г. по инициативе В. И. Вернадского с целью консолидации прогрессивной интеллигенции в борьбе за демократические преобразования в высшей школе).

Кнауэр был женат на лютеранке, они имели четверых детей: двоих сыновей (1894, 1896) и двух дочерей (1892, 1898). Война застала профессора с семьей в Германии. Старшие дети (сын и дочь) обучались на медицинском факультете Йенского университета. Профессору удалось одному вернуться в Россию, а жена и четверо детей остались в Йене под надзором полиции в качестве гражданских пленных³¹. По возвращении Кнауэра в Киев попечитель учебного округа А. Н. Деревицкий предложил ему прекратить чтение лекций по языковедению в университете и на Высших женских курсах. После чего в газетах началась травля профессора, появились клеветнические заметки о том, что дети Кнауэра «сражаются против России». В сочельник, 24 декабря 1914 г. 65-летний Кнауэр был арестован в Киеве и помещен в полицейский участок.

Отстранение от службы и ссылка россиян немецкой национальности в годы войны стали обычным явлением. Так, 8 июля 1915 г. попечитель Московского учебного округа А. А. Тихомиров подал прошение министру просвещения «об увольнении от службы или перемещении в глухие города» директоров немецкой национальности: 1-й Московской гимназии Грунау, 10-й Московской гимназии Флинка, Рославльской гимназии Нилендера, Зарайского реального училища Гильвега и др.³²

Находившийся в Киеве во время ареста Кнауэра академик В. Н. Перетц, по согласованию с руководством Академии наук вступил в переговоры с киевским губернатором Н. И. Суковкиным. Последний отнес-

ся к ходатайству Академии наук грубо, отказался проверить данные о детях Кнауэра. В результате 8 января 1915 г. профессор был сослан в Томскую губернию, в Каинск. Получаемая им пенсия и имущество оказались под арестом, что усугубляло бедственное положение ссыльного.

Заступничество академика было не случайным. Владимир Николаевич Перетц (1870–1935), известный ученый, филолог, историк русской и украинской литературы, с 1904 по 1914 г. работал с Кнауэром на одном историко-филологическом факультете университета Св. Владимира. С 1909 по 1914 г. он был секретарем факультета, а после избрания в 1914 г. в Академию наук вернулся в Петербург.

Группа академиков обратилась к президенту Академии наук, великому князю Константину Константиновичу с просьбой оказать содействие ссыльному. Положение, в котором оказался Кнауэр, вызвало сочувствие великого князя. 21 января 1915 г. он лично обратился за помощью к министру народного просвещения графу П. Н. Игнатьеву³³. В ходатайстве президент указывал, что переход детей Кнауэра в новое состояние действительно был, ибо выход из российского подданства был высочайше скреплен, а доказательств того, что они воевали против России, не было. К тому времени профессор прослужил в ведомстве Министерства просвещения более 30 лет и мог рассчитывать на снисхождение. Великий князь просил облегчения участи ученого и перевести его в Казань или другой университетский город, где профессор мог бы продолжить свои научные занятия, в частности закончить издание санскритского текста, порученное ему Академией наук. Заступничество столь высокопоставленной персоны, как представителя Дома Романовых, возымело действие. Уже 28 февраля Игнатьев сообщил Константину Константиновичу о том, что Министерство внутренних дел распорядилось перевести Кнауэра в Томск под надзор полиции³⁴. К лету ситуация, казалось, окончательно изменилась к лучшему. 23 мая 1915 г. Департамент общих дел МНП сообщал о том, что арест с имущества профессора снят и ему дозволено жить в Киеве³⁵. Возможно, этим обстоятельством объясняется тот факт, что Кнауэр значится в «Памятной книжке Киевского учебного округа на 1915/16 учебный год», в которой приведены сведения по состоянию на 15 октября 1915 г., как работающий в университете. Однако объявленное решение о возвращении Кнауэра в Киев осталось лишь на бумаге.

15 мая 1917 г. на заседании экстраординарного общего собрания АН академик В. Н. Перетц докладывал суть дела по вопросу киевского

профессора. К тому времени Кнауэр оставался в Томске не по своей воле и существовал на пособие, выдаваемое ему Литературным фондом³⁶. Он подавал прошение в МВД о переводе его куда-нибудь на юг, ибо в условиях сурового сибирского климата получил воспаление почек и ослеп. Депутация академиков в 1915 г. лично посетила тогдашнего товарища министра внутренних дел генерала В. Ф. Джунковского, а затем письменно обратилась к министру юстиции А. А. Хвостову. Но все предпринимаемые меры остались без последствий. В марте 1917 г. группа академиков вновь обратилась к министру юстиции А.Ф.Керенскому с просьбой освободить профессора. Записку подписали председатель Отделения русского языка и словесности РАН А. А. Шахматов и другие академики. Но и в этот раз ответа не последовало. Со смертью ученого необходимость в защитниках отпала.

В годы войны пострадал и профессор классической филологии, директор Нежинского историко-филологического института кн. Безбородко Иосиф-Эрнест Андреевич (по другим данным – Иосиф Эрнестович) Лециус (1860-?), в прошлом заслуженный ординарный профессор Киевского университета. Происходил из духовного сословия. Вероятно, сын пастора Андреаса Фридриха Лециуса³⁷. Женат был на лютеранке и имел 6 дочерей (1888, 1890, 1892, 1896 и 1900 г. р.). Окончил Русскую филологическую семинарию при Лейпцигском университете. С 1 февраля 1885 г. по 4 сентября 1911 г. служил вместе с Кнауэром в Киевском университете на историко-филологическом факультете. 16 февраля 1911 г. был утвержден в звании заслуженного профессора, но в том же году оставил университет³⁸. 20 августа 1913 г. Лециус возглавил Нежинский институт. Как свидетельствует используемый нами документ, он охранял имущество института от «патриотических» выходов нежинских хулиганов, устроивших дебош на территории института. В ответ на это правые круги соткали против педагога обвинение в германских «симпатиях». Он был отстранен от должности министром Л. А. Кассо, а затем сослан с семьей в Самару³⁹. Когда именно произошло увольнение ученого, пока с точностью не известно. Но к октябрю 1915 г. он уже не значится в числе служащих Киевского учебного округа. В поисках средств к существованию детей и больной супруги Лециус служил конторщиком в частном банке Самары.

Академия наук выступила в защиту обоих ученых. 15 мая 1917 г. Общее собрание приняло резолюцию следующего содержания: «В эпоху, когда Министерство народного просвещения старается загладить грехи недавнего прошлого и несправедливости по отношению к опаль-

ным профессорам – уместно было бы напомнить г. министру народного просвещения о печальной участи профессора Кнауэра и профессора Лециуса и просить о возвращении их на места и должности, которые они вынуждены были оставить под давлением политики старой власти»⁴⁰.

5 августа 1916 г. по подозрению в шпионаже был арестован и зоолог-палеонтолог Евгений Васильевич Пфизенмайер (Pfizenmayer Eugen Wilhelm) (1869–?). В 1897 г. он был приглашен Академией наук из Германии на службу в Зоологический музей АН, дважды, по поручению АН, участвовал в экспедициях в Сибирь по доставке обнаруженных мамонтов. В 1908 г. перешел на работу в Кавказский музей в Тифлисе консерватором. По предложению Академии он принял в 1901 г. российское подданство, но это его не спасло в годы войны от подозрений в измене. После первых допросов, без всякого обвинения ученый находился в тюремном заключении в течение 15 месяцев. За это время его имущество пропало. В обращении в Академию наук он питал надежду, что авторитетное учреждение поможет ему реабилитировать его доброе имя. Но и Академия наук была бессильна перед военными властями. Обращения академиков в Министерство юстиции остались без ответа⁴¹. Известно, что ученый вернулся в 1917 г. в Вюртемберг.

Драматические события военного времени пагубным образом сказались на положении ученых немецкого происхождения, подданных Германии и подданных России. Международные связи ученых России и стран, воевавших с ней, были насильственно прерваны. Российские ученые немецкого происхождения огульно обвинялись в симпатиях или поддержке Германии, что служило основанием для властей применять к ним репрессивные меры. Академия наук заняла достойную гражданскую позицию и пыталась противостоять натиску политических обстоятельств, защищая ученых.

Библиографические ссылки

¹ Из последних работ необходимо отметить следующие: *Иванов, А. Е.* Российское «ученое сословие» в годы «Второй отечественной войны» (очерк гражданской психологии и патриотической деятельности) / *А. Е. Иванов // Вопросы истории естествознания и техники.* – 1999. – № 2. – С. 108–127; *Дмитриев, А. А.* Мобилизация интеллекта: Первая мировая война и международное научное сообщество / *А. А. Дмитриев // Интеллигенция в истории. Образованный человек в представлениях и социальной действительности.* – М., 2001. – С. 196–235; *Кожевников, А.* Первая мировая война, гражданская война

и изобретение «большой науки» / А. Кожевников // Власть и наука, ученые и власть. 1880-е – начало 1920-х годов. – СПб., 2003. – С. 87–111; Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Под ред. Э. И. Колчинского, Д. Байрау, Ю. А. Лайус. – СПб., 2007.

² *Айсфельд, А.* Карл Линдеман: политическая и общественная деятельность московского ученого / А. Айсфельд // Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы: сб. докладов. – М., 1997. – С. 268–291; *Черказьянова, И. В.* Профессор П. Э. Соколовский во главе Харьковского учебного округа / И. В. Черказьянова // Университеты. Наука и просвещение. Научно-популярный журнал. – Х., 2004. – № 3 (19). – С. 64–73.

³ Список русских подданных, застигнутых войной за границей. – Пг., 1914. – Вып. 1. – С. 64–65.

⁴ Отчет о состоянии и деятельности Императорского Новороссийского университета за 1914 г. – О., 1915. – С. 6–7.

⁵ Список русских подданных, застигнутых войной за границей. – С. 56.

⁶ Российский государственный исторический архив. – Ф. 733, оп. 196, д. 882, л. 198–198 об. – Далее: РГИА.

⁷ *Покойный, Л. С.* Кассо в немецких кандалах / Л. С. Покойный // Рижский вестник. – 1914. – 8 декабря.

⁸ Немцы и великий князь Константин Константинович // Южный край. – 1915. – 6 июня.

⁹ Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу. – Томск, 1914. – № 11, 12. – С. 495.

¹⁰ Циркуляр по Киевскому учебному округу. – К., 1914. – № 11. – С. 1020–1021.

¹¹ РГИА. – Ф. 733, оп. 156, д. 308, л. 1–2.

¹² Подробнее об этом см.: *Дмитриев, А. А.* Мобилизация интеллекта: Первая мировая война и международное научное сообщество.

¹³ Протоколы заседания Совета Императорского Петроградского университета за 1914 г. № 70. – Пг., 1916. – С. 75.

¹⁴ Догель Александр Станиславович (1852–1922), гистолог, анатом. В 1879 г. окончил Казанский университет, в 1883 г. защитил докторскую диссертацию. В 1888 г. направлен для организации кафедры гистологии в Томский университет. В 1894 г. Академия наук наградила его премией им. К. Бэра и избрала членом-корреспондентом по разряду биологических наук. С 1895 г. и до конца жизни занимал должность профессора по кафедре зоологии, сравнительной анатомии и физиологии Петербургского университета.

¹⁵ Протоколы заседания Совета Императорского Петроградского университета. – С. 79–80.

¹⁶ *Иванов, А. Е.* Российское «ученое сословие» в годы «Второй отечественной войны»... – С. 111.

¹⁷ Центральный исторический архив Москвы. – Ф. 459, оп. 2, д. 7485, л. 269, 270.

¹⁸ РГИА. – Ф. 740, оп. 18, д. 37, л. 1 об.

¹⁹ Рижский вестник. – 1914. – 23 декабря.

²⁰ Национальный архив Республики Татарстан. – Ф. 92, оп. 2, д. 23641, л. 8.

²¹ Циркуляр по Киевскому учебному округу. – К., 1915. – № 6. – С. 608.

²² Ответ Академии наук // Утро России. – 1915. – 17 июля. – С. 3.

- ²³ Басаргина, Е. Ю. Вице-президент императорской Академии наук П. В. Никитин. Из истории русской науки (1867–1916 гг.) / Е. Ю. Басаргина. – СПб., 2004. – С. 259–269.
- ²⁴ Виноградов, Ю. А. Германские ученые – члены Императорской Академии наук и Первая мировая война / Ю. А. Виноградов // Петербургская Академия наук в истории академий мира: материалы международной конференции. – СПб., 1999. – Т. 3. – С. 47–49; Виноградов, Ю. А. Германские биологи – члены Императорской Академии наук и Первая мировая война / Ю. А. Виноградов // Русско-немецкие связи в биологии и медицине: Опыт 300-летнего взаимодействия / Под ред. Л. Я. Боркина и Э. И. Колчинского. – СПб., 2000. – С. 130–146.
- ²⁵ Stumpp, K. Die Auswanderung aus Deutschland nach Russland in den Jahren 1763 bis 1862 / K. Stumpp. – 8. Aufl., 2004. – S. 334.
- ²⁶ Подробнее об училище см.: *Die Wernerschule und Lehrer Karl Baisch von 1844 bis 1883.* – Odessa, 1884; Мушталъ, В. Историческая записка о Сарато-Вернеровском русском центральном училище (25 июня 1844 г. – 25 июня 1894 г.) / В. Мушталъ. – О., 1894; Плесская, Э. Вернеровское центральное училище / Э. Плесская // Немцы России: энциклопедия: в 3 т. / В. Карев (пред. редкол.) и др. – М., 1999. – Т. 1: А–И. – С. 348.
- ²⁷ Мушталъ, В. Историческая записка о Сарато-Вернеровском русском центральном училище... – С. 74.
- ²⁸ Список лицам, служащим по ведомству Министерства народного просвещения на 1888/89 учебный год. – СПб., 1888. – С. 421; Памятная книжка Киевского учебного округа на 1915/16 учебный год. – К., 1916. – С. 7.
- ²⁹ Отчет о состоянии и деятельности Киевского императорского университета Св. Владимира за 1907 г. – К., 1913. – С. 5.
- ³⁰ Отчет о состоянии и деятельности императорского университета Св. Владимира за 1912 г. – К., 1913. – С. 2, 6.
- ³¹ Об этом см.: Протоколы Общего собрания Академии наук. – [Пг.], 1917. – § 177.
- ³² РГИА. – Ф. 740, оп. 18, д. 177, л. 1–1 об.
- ³³ Там же. – Д. 34, л. 1–1 об. (Подлинник обращения).
- ³⁴ Там же. – Л. 3–3 об.
- ³⁵ Там же. – Л. 4.
- ³⁶ Литературный фонд (Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым) был организован в 1859 г. по инициативе А. В. Дружинина. Просуществовал до 1918 г.
- ³⁷ Amburger, E. Die Pastoren der evangelischen Kirchen Russlands vom Ende des 16. Jahrhunderts bis 1937: ein biographisches Lexikon / E. Amburger. – Lüneburg, 1998. – S. 399.
- ³⁸ Отчет о состоянии и деятельности императорского университета Св. Владимира в 1911 г. – К., 1912. – С. 4.
- ³⁹ Протоколы Общего собрания Академии наук. – § 177. – С. 214.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же. – § 316.